
Марат Флуров
ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ САЙМОНА
РОМАН
TOP SECRET

Марат Флуров

Долгая жизнь Саймона

«Автор»
2026

Флуров М.

Долгая жизнь Саймона / М. Флуров — «Автор», 2026

Бостон, 1932 год. Молодой бутлегер Саймон мечтает вернуть отцовское наследие и обвенчаться с Земфирой — аристократкой из старинного рода. Но в ночь перед свадьбой предательство и роковой выстрел уносят жизнь девушки. Умирая, она успевает передать возлюбленному древний семейный бальзам, а Саймона отправляют на пожизненное заключение.Проходят десятилетия. Эпохи сменяют друг друга, тюрьмы эволюционируют в цифровые сервера, а Саймон остается всё таким же 29-летним мужчиной. Лишь в 2023 году аналитик ФБР Симона Делани раскрывает секрет «узника вне времени». Спасая его, она вступает в смертельную игру с фарм-гигантами и теневой элитой, для которых вечный арестант — лишь сырье для бессмертия.«Долгая жизнь Саймона» — пронзительный роман о верности и памяти, способных переписать законы эволюции и противостоять колесу истории. Книга заинтересует поклонников «Побега из Шоушенка», «Зеленой мили», «Века Адалин», «Загадочная история Бенджамина Баттона» и историй о великой любви сквозь эпохи.

© Флуров М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
Глава 1. Кофейная клякса и выстрелы в Далласе (1963) 6
Глава 2. Призрак времени и эхо имён (2023) 10
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Долгая жизнь Саймона

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время — самый жестокий судья и самый циничный палач. Мы привыкли мерить свою жизнь внешними, обманчивыми признаками: новыми морщинами у глаз, размеренным тиканьем каминных часов в уютной гостиной, увяданием осенних листьев и сменой правительств за окном. Нам кажется, что этот неудержимый поток физических изменений контролирует всё вокруг. Но что произойдет, если время однажды споткнется о человеческое сердце? Что, если законы биологической деградации, веками правившие миром, внезапно дадут сбой перед силой человеческой памяти?

Эта книга — вовсе не просто фантастическая история о биологическом бессмертии, секретных формулах или заговорах теневых элит. Это роман о людях. О живых, израненных человеческих душах и о том, как слепая судьба порой ломает их через колено, проверяя на излом. Это повествование о мужчинах, которые умеют держать удар до самого конца, не прогибаясь под гнетом обстоятельств, и о женщинах, чья любовь и проницательный ум способны переписать законы эволюции и противостоять давящему колесу истории. Это книга о вечных, незыблемых ценностях: о любви и верности, о подлинной дружбе, о тихом героизме обычных солдат и о разрушительном человеческом коварстве.

Перед вами развернется масштабное полотно, сотканное из аромата прелых яблок Массачусетса, бостонских туманов, порохового дыма и циничных кулуарных войн современных элит. На страницах этого романа вы встретите и реальных исторических личностей, чьи имена навсегда вписаны в мировую летопись. Их присутствие здесь — это не дань художественному вымыслу, а знак глубочайшего авторского уважения к их наследию и масштабу личности. Мне искренне хотелось побудить читателя ещё раз внимательно заглянуть в историю, перелистнуть её драматические страницы и вдуматься в суть ушедших эпох. Пусть их великий, сложный и вдохновляющий жизненный пример помогает каждому из нас сегодня — в нашем непростом, ускоряющемся мире — принимать правильные решения, стоически держать удары судьбы, оставаться людьми и по-настоящему жить. Каждую главу закончил одним словом, словом связанное с судьбой, чтобы на миг задуматься об этом.

Особое место в этой истории занимает пронзительная, великая любовь. О том, как тяжело нести в себе живой, первозданный образ любимой женщины через десятилетия, когда окружающий мир рушится и стремительно меняет свои маски. Саймон Миллер получил страшный, пугающий дар — его тело навсегда застыло в возрасте двадцати девяти лет. Но его душа навсегда осталась лежать на той самой окровавленной поляне у лесной реки в далеком 1932 году, рядом с Земфирой. И это бессмертие оборачивается для него не благословением, а бесконечным каменным застенком американской судебной системы — архивным парадоксом.

Переворачивая эти страницы и погружаясь в тайны прошлых лет, спросите себя: какова настоящая, подлинная цена вечной жизни на земле, если за нее приходится платить вечным одиночеством? Способна ли живая человеческая память одолеть безжалостное время и вернуть израненному сердцу долгожданный покой на самом краю бушующего океана?

Марат Флуров

Глава 1. Кофейная клякса и выстрелы в Далласе (1963)

Пятница, 22 ноября 1963 года, выдалась в штате Массачусетс на редкость сырой, пронизывающе ветреной и насквозь пропитанной тяжелым, серым предзимним туманом. Этот густой белесый саван плотным кольцом окутал массивные бетонные стены недавно выстроенной государственной тюрьмы строгого режима Уолпол, превращая часовых на угловых вышках в едва различимые силуэты. В тесном, унылом казённом кабинете тюремной канцелярии, расположенном на втором этаже административного корпуса, было на редкость шумно и людно. В комнате стоял спертый воздух, застоявшийся запах дешевого табака и хлорки, слышен был пулеметный стук десятка печатных машинок, доносившимся из общего коридора сквозь приоткрытую деревянную дверь.

За массивным, холодным металлическим столом, заваленным стопками циркуляров, сидел инспектор Сэм Клейтон (официально в федеральном реестре он значился как Сэмюэль Клейтон). Это был худощавый, смертельно уставший от бесконечных командировок мужчина лет пятидесяти в узком, безупречно отутюженном сером костюме-тройке и тонких роговых очках, которые то и дело сползали на кончик его острого носа. Перед ним, занимая почти все свободное пространство стола, лежала раскрытая, изрядно пожелтевшая и обтрепавшаяся за долгие десятилетия папка личного дела Саймона Миллера. Инспектор лениво, чисто механически перелистнул очередную хрустнувшую страницу, мельком открыл регистрационную анкету заключенного, а затем медленно поднял глаза на стоявшего напротив него арестанта.

В ту же секунду Сэмюэль Клейтон замер с полуоткрытым ртом. Он судорожно поправил пальцем дужку очков, вглядываясь сначала в маленькую, выцветшую и покрытую сеточкой трещин фотографию 1932 года, вклеенную в Чарльзстауне, а затем снова перевел ошеломленный взгляд на Саймона. Согласно строгим тюремным бумагам человеку, родившемуся в Бостоне в далеком 1903 году, в этот самый ноябрьский день шли уже седьмой десяток и шестьдесят первый год земной жизни — ведь на казенном календаре канцелярии чернел ноябрь 1963-го. Время безжалостной старости. Но в серой, грубой хлопковой робе перед его столом стоял абсолютно крепкий, подтянутый и статный мужчина лет тридцати, не больше. У него была безупречно гладкая, здоровая кожа без малейшего намека на старческие пигментные пятна, густые, жесткие тёмные волосы без единого признака благородного серебра и тяжелый, пугающе прямой взгляд глубоких глаз. Глядя на его мощный разворот плеч, инспектор Клейтон поймал себя на дикой, совершенно не клерковской мысли: казалось, будто еще неделю назад этот сильный парень во весь опор мчался на блестящем чёрном жеребце по бескрайним диким прериям, и яростный вольный ветер играл в его волосах. Сэм почувствовал, как липкий, необъяснимый и суеверный холодок медленно, капля за каплей прополз по его спине под рубашкой. Списав это странное, мистическое наваждение на отвратительное неоновое освещение канцелярии и общую усталость глаз, инспектор поспешно отвёл взгляд в сторону бумаг, громко прокашлялся и заговорил, решив во что бы то ни стало сразу перейти к официальной сути дела:

— Заключённый Саймон Миллер, — Сэмюэль Клейтон постарался придать своему голосу максимальную твердость и значительность, постучав сухим пальцем по пожелтевшей папке. — Я приехал сюда, в Уолпол, напрямую из Вашингтона вовсе не ради проведения очередной скучной федеральной ревизии или проверки условий содержания контингента. Мой визит имеет совершенно конкретную и очень серьёзную цель. Прямо сейчас в Белом доме, на самом высоком уровне, готовится к подписанию особый указ президента Джона Кеннеди. Администрация в рамках новой гуманитарной программы собирается полностью помиловать и выпустить на свободу лиц, отбывающих пожизненный срок заключения более двадцати пяти лет, при условии их безупречного поведения и исправления. По данным, поступившим из архивов Уолпол в столицу, вы, Миллер, занесены в этот эксклюзивный список одним из первых.

Подумать только: за тридцать один год, проведенный вами за решёткой в двух разных тюрьмах, у вас нет ни одного взыскания от надзирателей, ни единого мелкого нарушения лагерного режима или участия в склоках. Я лично уполномочен проверить каждого кандидата перед тем, как положить итоговые бумаги на подпись на стол президенту. Вы вообще понимаете, Саймон, что всё это значит для вас? Вы можете выйти на свободу, за эти ворота, еще до наступления этого Рождества.

Саймон стоял перед металлическим столом инспектора абсолютно неподвижно, привычно заложив большие руки за спину. За долгие десятилетия одиночества он научился замирать подобно гранитному изваянию. Только когда из уст столичного чиновника прозвучало имя Джона Кеннеди, Саймон едва заметно, на какой-то дюйм повернул голову в сторону инспектора, словно это имя пробудило в его памяти какие-то старые, довоенные бостонские эхо — ведь он помнил клан Кеннеди еще совсем молодыми, амбициозными политиками Массачусетса. На его лице, обрамленном густой бородой, не дрогнул ни один мускул, а в глазах не вспыхнуло ни капли радости. Та долгожданная свобода, о которой ежеминутно, до кровавых слез и безумия мечтал любой смертный в этих мрачных застенках, Саймона больше совершенно не волновала и не грела. Его душа навсегда, безвозвратно осталась лежать на той заброшенной поляне у реки в 1932 году, рядом с Земфирой, его суженной. Инспектор Клейтон, посчитав это глухое молчание обычным проявлением многолетнего тюремного оцепенения и психологического шока, устало, разочарованно вздохнул и потянулся рукой к тяжелой фарфоровой чашке, стоявшей на краю стола. Густой чёрный кофе в ней давно остыл, покрывшись тонкой маслянистой плёнкой — его сварили в автомате еще ранним утром.

Сэм приподнял чашку за ручку, собираясь сделать большой глоток, чтобы хоть как-то взбодриться. Из старого лампового радиоприёмника «Zenith» на деревянной тумбе за его спиной в этот момент негромко, убаюкивающе звучала музыка — передавали трансляцию какого-то классического концерта. В динамике приёмника время от времени отчётливо, резко потрескивало статическое электричество: верный признак того, что где-то неподалёку, в тяжелых предзимних облаках над Массачусетсом, проскакивают первые грозовые молнии. И вдруг мирный музыкальный эфир на полуслове грубо оборвал прерывистый, задыхающийся от паники и волнения голос диктора экстренных новостей:

— Внимание всем радиостанциям! Чрезвычайное, экстренное сообщение из Техаса! Буквально несколько минут назад в Далласе, во время официального проезда открытого президентского кортежа по площади Дили-Плаза на Элм-стрит, были произведены выстрелы из винтовки! Президент Джон Кеннеди тяжело ранен в голову! Повторяю, совершено покушение на жизнь президента Соединенных Штатов!.. На месте покушения царит полная паника!..

Инспектор Клейтон мгновенно оцепенел в своей позе с поднятой чашкой. Лицо его в секунду побелело, став цвета казенной промокашки, а худая рука судорожно, крупно дёрнулась от шока. Остывший чёрный кофе от этого резкого движения выплеснулся через ободок фарфора. Одна тяжелая, маслянистая тёмная капля сорвалась вниз и упала точно на раскрытую пожелтевшую анкету Саймона — прямо в графу «Дата и год рождения».

Пористая, старая бумага тридцатых годов мгновенно, жадно впитала в себя въедливую кофейную жидкость. Тёмное пятно на глазах начало стремительно расплываться вширь. Саймон и инспектор молча смотрели, как казенные фиолетовые чернила поплыли под воздействием влаги, превращаясь в грязную, размытую кляксу. Всего за несколько кошмарных секунд кофе полностью растворил роковые цифры прошлого, навсегда превратив четкое «1903» в абсолютно нечитаемое, круглое тёмное пятно.

А из динамика радиоприёмника сквозь нарастающие рыдания обезумевшей техасской толпы и крики репортеров уже доносились новые, оглушительные и страшные подробности далласской трагедии: пуля снайпера оказалась смертельной, Джон Кеннеди скончался, не приходя в сознание. Проект масштабного президентского помилования старых узников рухнул и превратился в прах в одно это ужасное мгновение. Голова инспектора Клейтона раскалывалась от накатившей паники, его руки мелкой, неконтролируемой дрожью тряслись. В коридоре канцелярии уже вовсю кричали клерки, хлопали двери, назревал исторический хаос. Глядя на расплывшуюся кофейную кляксу, а затем на стоящего перед ним молодого, сильного парня, которому на вид никак нельзя было дать шестьдесят один год, Клейтон принял лихорадочное, чисто чиновничье решение. Измученная логика его уставшего бюрократического ума подсказала ему единственный «разумный» и безопасный для его карьеры выход. Инспектор подумал, что клерки из Чарльзстауна просто допустили грубейшую опечатку в документах при оформлении личного дела, банально перепутав цифры местами, ведь этому человеку напротив него от силы можно дать тридцать лет, он его ровесником быть никак не может! Не писать же в Вашингтон в отчете, что он встретил в Уолпол неумеющего стареть монстра? Его самого сочтут сумасшедшим и уволят без пенсии.

Инспектор судорожно, ломая ногти, схватил со стола свою перьевую ручку с черными чернилами и прямо поверх еще подсыхающего кофейного пятна, размашистым, уверенным министерским почерком исправил размытые цифры «1903» на четкие «1933». Он лично, своей рукой зафиксировал в анкете год рождения Саймона как тысяча девятьсот тридцать третий.

Спрятав трясущуюся ручку во внутренний карман пиджака, Сэмюэль Клейтон, тяжело и прерывисто дыша, с грохотом захлопнул картонную папку личного дела. Он, забыв про заключенного, лихорадочно выбежал из кабинета в коридор, где уже вовсю разгоралась всеобщая паника из-за гибели президента. Саймон Миллер остался стоять один посреди кабинета под надсадный, хрипящий плач радиоприёмника. Инспектор Клейтон, банально пытаясь скрыть свою случайную кофейную кляксу и спасти отчет, сам того не ведая, совершил должностной подлог и намертво, железно замуровал Саймона в глухих застенках американской судебной системы. Отныне по всем официальным документам штата тот железно числился молодым мужчиной тридцать третьего года рождения — а это означало, что юридически он никак не

мог быть осуждён за то самое преступление, которое было совершено на реке в июле 1932 года, ведь он тогда еще даже не родился! Дело Саймона Миллера в один миг превратилось в пугающий, неразрешимый архивный парадокс, который в будущем заставит всю лагерную систему тщательно прятать его от посторонних министерских глаз ещё долгие десятилетия, переводя из блока в блок. А за узким решетчатым окном канцелярии густой ноябрьский туман медленно превращался в ледяной, косой дождь, уносивший растерянную Америку в совершенно новую, тревожную и жестокую эру.

ЖЕСТОКОСТЬ …

Глава 2. Призрак времени и эхо имён (2023)

Прошли долгие шестьдесят лет. Для стремительного, неудержимого бега мировой истории этот срок промелькнул как одно короткое, мимолетное мгновение, но для человека, запертого в четырех стенах, он растянулся в целую вечность. Наступил душный сентябрь 2023 года. Начало осени принесло в Массачусетс небывалую, изнуряющую жару, которая неохотно и тяжело отступала лишь к поздней ночи, сменяясь густыми, плотными ночными туманами, насквозь пропитанными запахом раскаленного за день асфальта и влажной травы.

Новая государственная тюрьма максимального уровня безопасности Суза-Баранski, куда на исходе века перевели Саймона, встретила этот футуристический двадцать первый век монотонным, глухим гудением мощных серверных стоек, бесконечными рядами сферических видеокамер высокой чёткости и мертвенным, холодным неоновым светом, струящимся с потолка. Американская пенитенциарная система нового столетия окончательно и безвозвратно лишилась своего прежнего человеческого лица. Старые, пахнущие кожей и чернилами пожелтевшие папки сменились плоскими жидкокристаллическими мониторами, биометрическими сканерами сетчатки глаза и бездушными алгоритмами цифровых баз данных, где живые люди превратились в сухие двоичные коды.

Тяжёлая, герметичная бронированная дверь центрального блока медленно, с едва слышным гидравлическим шипением открылась, впуская утренних гостей в чистый бетонный коридор. Первым, строго согласно протоколу министерской инспекции, шёл грузный, угрюмый начальник тюрьмы в отглаженной темно-зеленой форме, а сразу за его широкой спиной следовала Симона. Этот быстрый ознакомительный обход жилых корпусов входил в её жёсткий служебный регламент: перед тем как полностью погрузиться в цифровые архивы, специальный инспектор из Вашингтона должна была лично оценить оперативную обстановку в блоках, проверить строгость режима и обязательно заглянуть в глазки камер к некоторым заключённым, чтобы своими глазами посмотреть, чем именно дышат и живут объекты её текущих проверок.

Агент ФБР и специальный инспектор департамента юстиции из Вашингтона Симона Делани была удивительно молода и чертовски красива — с первого взгляда ей едва ли можно было дать около тридцати лет. Высокая, стройная, с короткой, стильной стрижкой тёмных волос, она была одета в строгий, безупречно скроенный тёмно-синий брючный костюм, белоснежную шелковую блузку и классические чёрные кожаные туфли-лодочки на высоком, тонком каблуке. На мрачном фоне тяжёлой, шаркающей поступи грузного начальника тюрьмы её изящные каблуки отбивали по идеально гладкому наливному бетонному полу сухой, ритмичный и резкий дробный звук, эхом разлетавшийся по переходам: тук... тук... тук...

Заключённые в камерах мгновенно затихли при этих звуках, прильнув к смотровым окнам и провожая эту необычную процессию жадными, оценивающими взглядами. Кто-то из молодых парней насмешливо, цинично оскалился, кто-то из татуированных лидеров банд угрюмо отвёл глаза, не желая смотреть на власть. Один из глубоких стариков-арестантов, всю жизнь проведший за решеткой, крепко ухватившись костлявыми пальцами за железную решётку ограждения, тихо, но отчетливо хмыкнул вслед удаляющемуся начальнику и его грациозной спутнице:

— Эй, парни, поглядите... Будь её туфли сегодня белыми, я бы точно решил, что эту красотку-невесту ведут по нашему коридору прямо к алтарю...

Но туфли инспектора были строгого чёрного цвета, а за хрупкими плечами мисс Делани незримо стояла вся холодная, безжалостная и сокрушительная мощь федеральной исполнительной системы.

Успешно завершив беглый осмотр жилого блока и поставив первую электронную отметку в своем рабочем планшете, Симона во время короткой беседы настолько очаровала старею-

щего, уставшего от вечных стрессов начальника тюрьмы, что тот в виде исключения из всех строгих правил любезно уступил ей на время проверки свой собственный просторный кабинет со всеми удобствами, кондиционером и отдельным выходом. Инспектор Делани поначалу вежливо попыталась отказаться от столь щедрого и обязывающего жеста, но хозяин тюрьмы мягко, но твёрдо настоял на своём решении. Он с понимающей улыбкой пояснил, что сейчас в дальних корпусах идут масштабные ремонтные работы, он сам всё равно практически весь рабочий день проводит на строительных объектах с прорабами, и этот кабинет ему сейчас фактически не нужен.

Начальник тюрьмы лично сопроводил молодую особу в свой кабинет, с гордостью показал ставшее её временным рабочим местом пространство: широкий дубовый стол, удобное кожаное кресло, а затем, вежливо откланявшись, ушел по своим неотложным делам.

Она внимательно осмотрела просторный кабинет, быстро и профессионально освоилась на новом месте. На ламинированном столе она аккуратно разложила свою тонкую рабочую папку с предписаниями и открыла легкий ноутбук. Через пару минут дверь кабинета тихо приоткрылась, и хмурый, вооруженный конвоир аккуратно ввёл внутрь заключённого. Саймон Миллер вошёл спокойно, без малейшего страха, конвойного вызова или привычной зековской сутулости — за долгие бесконечные десятилетия в неволе он полностью отвык считать летящие годы и разучился бояться казенных кабинетов.

Симона несколько долгих секунд оглядывала его фигуру внимательным, цепким и профессиональным взглядом инспектора, а затем едва заметным, вежливым жестом тонкой руки указала на свободный пластиковый стул напротив себя:

— Присаживайтесь, пожалуйста, мистер Саймон Миллер. Я специальный инспектор Симона Делани.

Он молча, с достоинством опустился на стул. В кабинете мгновенно повисла густая, тяжелая и давящая тишина, нарушаемая лишь ровным, тихим гудением потолочного кондиционера.

— Знаете, мистер Миллер... — Симона первой нарушила молчание, внимательно вглядываясь в лицо заключенного. — Мне сейчас чисто визуально очень трудно определить ваш реальный биологический возраст. Эта густая, окладистая борода и длинные, до плеч, тёмные волосы полностью скрывают черты вашего лица.

Саймон спокойно, не мигая выдержал её пронзительный взгляд и абсолютно ничего не ответил, оставшись безмолвным. Симона слегка нахмурилась, повернулась к яркому монитору ноутбука и открыла центральную федеральную базу данных. На экране в окне закрытого сектора светилась лишь одна скупая, одинокая строка: «Саймон Миллер», а ниже, где должны были находиться подробные данные, на многие страницы тянулись абсолютно пустые цифровые поля.

— По тем старым архивным бумагам, которые я приехала сюда лично проверить из Вашингтона, — Симона постучала длинным ногтем по корпусу ноутбука, — вам сейчас должно быть... ни много ни мало, девяносто лет. Но я своими глазами вижу, что вам точно нет девяноста. Да и потом, вы и сами прекрасно знаете, мистер Миллер: в тюрьмах строгого режима люди физически так долго не живут, это медицинский факт. Сейчас вся наша система полностью оцифрована, алгоритмы работают идеально, и ваше дело в этой базе — словно огромный загадочный айсберг в чистом океане, который своей аномалией напрочь рушит всю идеальную картину нашей министерской отчётности. В базе данных о вас практически ничего нет, понимаете? Вы успели за свой огромный срок сменить три разные федеральные тюрьмы штата, но в вашем электронном файле нет ни единой нормальной, четкой фотографии — лишь сухие, короткие казённые отметки о переводах из корпуса в корпус.

Она решительным движением закрыла ноутбук и строго, в упор посмотрела на него:

— Чёрт возьми... Кто вы такой на самом деле, Саймон Миллер? И откуда вы вообще взялись в нашей системе? Ладно, сделаем так. Я сейчас лично попрошу начальника тюрьмы,

чтобы вас сегодня же отвели в парикмахерскую, постригли, побрили и привели в надлежащий человеческий порядок. А завтра утром мы здесь же продолжим наш разговор.

На следующее утро Симона вошла в предоставленный ей кабинет начальника с той же неизменной тонкой папкой в руках. За узким окном стояла уже тяжёлая, пасмурная и серая погода, обещавшая затяжной осенний дождь. Она спокойно села за стол, мысленно настраиваясь на сложный, затяжной разговор с молчаливым узником, но стоило тяжелой двери открыться, как вся её хваленая вашингтонская профессиональная выдержка едва не дала мгновенную глубокую трещину.

Конвоир аккуратно ввёл в кабинет чисто выбритого и коротко подстриженного мужчину. Саймон спокойно, своей ровной и уверенной походкой подошёл к дубовому столу. Теперь, без густой многолетней бороды и длинных волос, его лицо полностью открылось, обнажая удивительно чёткие, правильные и мужественные черты: волевой, сильный подбородок, густые тёмные брови и безупречно гладкую, здоровую кожу без единой возрастной морщинки или старческой складки. Перед ошеломленной Симоной Делани сидел молодой, полный сил мужчина лет тридцати, не больше.

Симона буквально замерла на месте, перестав дышать. Она судорожно перевела взгляд со старого, чудом уцелевшего чарльзстаунского снимка начала века, который она распечатала из архива, на живого Саймона, а затем снова перевела взгляд на старую карточку сепии. Человек, стоящий сейчас перед ней в робе, и тот молодой парень с архивной фотографии почти вековой давности были абсолютно, пугающе одним и тем же лицом. Время не изменило его ни на йоту. В кабинете воцарилась звенящая, удушающая тишина.

Симона медленно поднялась со своего кожаного кресла и прошла в дальний угол кабинета, где на тумбе тихо журчала современная кофеварка. Ей жизненно необходимо было выиграть хотя бы несколько секунд и силой заставить свой рациональный мозг вернуться к привычной логике и здравому смыслу. Она аккуратно налила две чашки крепкого ароматного напитка. Одну чашку она с напускным спокойствием поставила перед собой, а вторую чашку осторожно, скользящим движением подвинула по столу Саймону.

Этот тихий, сугубо человеческий ритуал действительно помог ей немного собраться с мыслями и вернуть самообладание. Но эта вторая чашка, предложенная арестанту, с головой выдала её внутреннее состояние: под строгой, бездушной маской федерального клерка и жесткого инспектора всё же билось живое, сострадательное женское сердце. Симона сделала этот жест абсолютно бессознательно — просто потому, что в этот потрясающий миг она смотрела на Саймона не как на опасного пожизненного арестанта или досадную архивную ошибку ведомства, а как на невероятного, загадочного человека.

Для самого Саймона её этот тихий, искренний жест стал той самой долгожданной, спасительной искрой, что наконец-то пустила глубокую, неминуемую трещину по ледяному, кристаллическому защитному саркофагу, который намертво заковал его израненную душу за долгие десятилетия одиночества после гибели близких ему людей.

Симона медленно положила свою тонкую ладонь на папку документов и, нахмурившись, тихо произнесла:

— Тут явно что-то не так, мистер Миллер. Происходит какое-то безумие. На вид вам сейчас объективно не больше тридцати лет. А по всем официальным государственным бумагам — девяносто. За свою долгую карьеру в департаменте юстиции я проверила тысячи самых запутанных личных дел. В моей практике бывали разные нелепые ошибки, фальшивые паспорта, хитрые самозванцы, пластические операции... Но ничего подобного этому я не видела в своей жизни никогда. Это за гранью возможного. Я... я еще раз вынуждена повторить свои вчерашние вопросы, Саймон. Чёрт возьми... Кто вы такой на самом деле? И откуда вы взялись в Массачусетсе?

Саймон внимательно, с бесконечной глубиной посмотрел в глаза Симоны. И впервые за весь их долгий, напряженный разговор на его лице появилась очень мягкая, теплая и искренняя человеческая улыбка:

— Вы мне очень понравились, мисс Симона. В вас есть то, чего я давно не видел в людях. Вы... вы своей пластикой, взглядом и этой гордой осанкой невероятно напоминаете мне одного близкого мне человека... Очень дорогого, любимого человека, которого я трагически потерял в своей прошлой жизни, много десятилетий назад. Именно поэтому... глядя на вас, я готов нарушить свое молчание и рассказать вам всю правду. Мне сейчас не девяносто лет, мисс Делани. Мне — ровно сто двадцать.

Симона нервно, сорвавшись, коротко усмехнулась от сильнейшего психологического шока:

— Сто двадцать лет?.. Но вы ведь сами прекрасно понимаете, насколько безумно и невероятно всё это звучит из ваших уст?

— Да, я отлично это понимаю, — спокойно согласился Саймон, сделав глоток из чашки. — Но это абсолютная правда. Я родился весной тысяча девятьсот третьего года. Именно поэтому в тех старых документах, которые проверял вашингтонский инспектор в роковом 1963 году, никак не могло быть две цифры «три» в графе года рождения. Там изначально, чернилами Чарльзстауна, стоял... ноль и три. 1903 год. Капля кофе тогда просто смыла мою настоящую жизнь.

Симона очень долго молчала, гипнотизируя взглядом чашку кофе и отчаянно пытаясь разумом осознать масштаб услышанного. Наконец, подняв на него свои огромные глаза, она тихо спросила:

— Хорошо. Допустим на мгновение, что я вам поверила, Саймон. Тогда объясните мне только одну вещь, которая не укладывается у меня в голове. Если вам действительно сто двадцать лет... почему вы физически выглядите значительно моложе меня? Как это возможно?

Саймон слегка, снисходительно усмехнулся:

— Знаете, мисс Делани... это вовсе не первый и не самый главный вопрос, который вы должны были мне сейчас задать.

— А какой же вопрос, по-вашему, должен быть первым? — удивилась Симона.

— Первый вопрос должен звучать так, — Саймон выделил слова голосом: — Почему человек, проживший на этой земле сто двадцать лет и не совершивший зла, до сих пор сидит за решёткой строгого режима? Почему система держит его?

Симона на мгновение замолчала, внезапно понимая и веря в железную и страшную правоту его слов, а потом тихо спросила:

— Я не знаю ответа... А вы сами, Саймон, как думаете — почему так вышло?

Саймон медленно перевёл свой глубокий взгляд на узкое решетчатое окно кабинета, за которым свинцовые тучи уже начали изливаться холодным дождем:

— Потому что этот огромный мир вокруг менялся гораздо быстрее, чем его законы и неповоротливые бумажные инструкции. Каждый раз, когда кто-то из надзирателей, врачей или начальников тюрем начинал всерьез догадываться или подозревать, кто я такой на самом деле, в мире за стенами обязательно случалось что-то грандиозное, масштабное, что мгновенно заставляло всю государственную систему напрочь забыть обо мне. Великие войны, мировые кризисы, страшные пожары, полные смены поколений чиновников, новые правительства, цифровой документооборот... А я просто оставался в своей камере, застыв как призрак. За все эти бесконечные, мучительные годы я еще никому не рассказывал свою историю целиком, от начала и до конца. Сначала меня просто никто не спрашивал, потом я понимал, что никто в здравом уме не поверит мне, а со временем мне и самому стало казаться, что эта моя жизнь уже никому не нужна в этом новом компьютерном мире... Но сегодня, глядя на вас, мисс Симона, я внутри себя чувствую: вы сможете не просто выслушать старого узника, но и сможете по-настоящему понять. Если у вас действительно есть время — я расскажу вам свою жизнь.

Симона медленно, но решительным движением выключила мерцающий экран ноутбука, закрыла крышку и отодвинула чуть влево по ламинированному столу. Взглянув на настенные часы, а затем снова прямо посмотрев в глаза Саймона, она твердо произнесла:

— Сегодня... у меня есть ровно столько времени, сколько вам потребуется, Саймон. Я никуда не спешу. Если вы не против, я прямо сейчас включу этот диктофон на телефоне — возможно, мне самой придётся переслушать вашу невероятную историю ещё не один раз, чтобы поверить в неё до конца.

Саймон едва заметно, с облегчением кивнул головой и глубоко, полной грудью вдохнул прохладный воздух кабинета:

— Что ж, хорошо... Тогда нам с вами придётся начать с самого-самого начала. С прекрасной и далекой весны тысяча девятьсот третьего года. Я родился в самой обычной, бедной фермерской семье здесь, в Массачусетсе. Мой отец ушел из жизни слишком рано, оставив нас с матерью в полной нищете. О моем раннем детстве и юности рассказывать сейчас почти нечего, там была лишь тяжелая работа на земле... Вся настоящая, истинная моя история началась гораздо позже. В тот благословенный день, когда я впервые в жизни увидел её. Она с первой секунды стала моим чистым светом, моим ангелом-хранителем, моей единственной судьбой. Её звали Земфира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.